

Авторский коллектив:
сотрудники Юношеской библиотеки
ЦБС г. Волгодонска
Контактная информация ЦБ:
т/ф (86 392) 2-16-65
Алтухова Ирина Юрьевна
vdonlib@mail.ru

Третий Нобелевский лауреат

(Дополнительный материал для подготовки мероприятий)

В истории русской литературы пять писателей были удостоены высшей награды Королевской комиссии шведской академии – Нобелевской премии. Третьим лауреатом – после И.А. Бунина и Б.Л. Пастернака – стал Михаил Александрович Шолохов.

Нобелевская премия едва ли открывала перед шолоховским романом "Тихий Дон" какие-то новые двери или прибавляла ему популярности. Какая еще популярность нужна была роману в 1965 году?

Шведские академики слишком долго приценивались, за четверть века, к моменту присуждения премии, "Тихий Дон" сумели перевести на все языки, его прочли многие из тех, кто умел читать.

Тем не менее Нобелевская премия явилась существенным моментом в истории романа – она как бы подвела черту под той суетой сует, какой на долю этой книги выпало более чем достаточно. Премия подтверждала, что "Тихий Дон" воистину стал достоянием человечества, вошел в такой невообразимый круг чтения, где уже мало значат наши замечания, перемены симпатий-антипатий в отношении к автору, и любые сенсации интерпретаторов. Не то чтобы роман вознесся выше всего этого, просто он существует теперь в некоей другой сфере, другом измерении, где всегда – "Божественная комедия", "Фауст", "Братья Карамазовы"... – куда вся наша околосредовая возня уже не долетает: там свои точки отсчета, свои истоки интереса к книге, к литературе как таковой.

О том, как досталась Нобелевская премия тому или иному художнику, чем она для него стала, наверное, можно было бы написать интереснейшее повествование, полное драматизма и неожиданных поворотов. Нашли бы свое место в этом фолианте и рассказы о том, как обидно "обманывали" с премией Бунина, что на самом деле произошло с Пастернаком, против фамилии которого в знаменитом списке стоит (как, впрочем, и против Жан-Поля Сартра): "От Нобелевской премии отказался". Какими путями шли к награде Сенкевич, Киплинг, Тагор...

Что касается "Тихого Дона", то поначалу и он был обойден вниманием Шведской академии, хотя уже с начала 30-х годов перед ней не однажды ходатайствовали за Шолохова видные европейские литераторы. К тому же Шолохов умудрился поспорить с академиками из Стокгольма, написав статью об их политической предвзятости, которая помешала Комитету заметить в литературе такие имена, как Горький или Серафимович.

(Справедливости ради надо добавить, что "незамеченными" оказались и другие не менее достойные российские имена – имена Анны Ахматовой, Сергея Есенина, Михаила Булгакова, а если вспомнить, что Нобелевская премия существует с 1901 года, то это еще и Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, А.И. Куприн, А.А. Блок...)

Когда же академики, не помня обиды, все же проголосовали за Шолохова, выбрав именно его из восьмидесяти девяти претендентов 1965 года, новость вызвала переполох среди партийного руководства нашей страны, ведь эти Нобелевские премии неизменно критиковали – особенно после истории с пастернаковским "Доктором Живаго".

...Доносилось ли до Вешек в конце 50-х, что мир бурлит – кто будет выдвинут на соискание Нобелевской премии: Пастернак или Шолохов? Запрет "Доктора Живаго" по приказу из ЦК психологически не в пользу "Тихого Дона". Политики воспользовались ситуацией – и вот еще один запал к ужесточению холодной войны. Творческий мир по исконному призыванию поднялся в защиту гонимого поэта и его запрещенного в СССР романа.

Март 1957 года. С грифом "Секретно" ЦК получает письмо Союза писателей К. Симонова. В нем: "В шведском Пен-клубе недавно обсуждался вопрос о кандидатурах на Нобелевскую премию по литературе. В числе кандидатов следующие писатели: Михаил Шолохов, Борис Пастернак, Эзра Паунд (США) и Альберто Моравиа (Италия). ... Писатели Швеции высказывались в пользу М.А. Шолохова, но с настроениями писателей не всегда считаются...".

Еще одна записка в ЦК из Союза писателей по результатам поездки в Швецию: "Абсолютное большинство участников высказались за Шолохова. Подал свой голос за Шолохова и принц Вильгельм, осуществляющий шефство над Пен-клубом".

Секретарь ЦК Ильичев информирует высший эшелон ЦК: "В кругах представителей зарубежной прессы высказывались такие предположения, что Нобелевская премия может быть разделена между Пастернаком и Шолоховым".

Испуг. Ищется противоядие. В ЦК придумали ответный ход: "Если т. Шолохову М.А. будет присуждена Нобелевская премия наряду с Пастернаком, было бы целесообразно, чтобы в знак протеста т. Шолохов демонстративно отказался от нее и заявил в печати о своем нежелании быть лауреатом премии, присуждение которой используется в антисоветских целях".

В бумагах ЦК то и дело о "Докторе Живаго": "клеветнический", "антисоветский роман"...

Нельзя и подумать издать его на родине.

Шолохов подумал.

В тот год он был во Франции. Перед поездкой – инструктаж-наставление. Главное предупреждение: "Вас будут атаковать темой Пастернака. Надо выдерживать линию ЦК..."

В тот год советские визитеры панически боялись интервью – заключают вопросами о Пастернаке...

Шолохов не струсил – пригласил интервьюера. Высказался. Газета вышла.

Шолохов заявил в интервью то, что дома, на родине, каралось: – Надо было опубликовать книгу Пастернака "Доктор Живаго" в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать ее...

Шолохов искренен. За Пастернака заступился, но в любви не признался, хотя и назвал "блестящим" поэтом. Не скрыл, что совсем не чит "Доктора Живаго". Но говорил это в рамках приличий. Иначе, к примеру, высказывался о романе Набокова: "Дрянной, слезливый, фальшивый и бездарный".

ЦК без промедления с отпором вольнодумцу – в привычных репрессивных выражениях: "Обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам".

И шифровка советскому послу с требованием разобраться и принять меры. Тот в меру своих возможностей вчиняет надзор за непутевым гостем...

... Октябрь 1957 года. Б.Л. Пастернак коронован нобелевским званием. Н.С. Хрущев – по подзуживанию М.А. Сулова – дает команду на травлю. Травят газеты, эфир, комсомольские собрания... Редколлегия "Нового мира" отрекается – заставили... Московские писатели принимают Открытое письмо – осуждают. Среди тех, кто травил Пастернака, Шолохова не было...

... 1965 год. Шолохову – шестьдесят.

Весь в работе: открывал II съезд писателей России, побывал в издательстве "Молодая гвардия", выступил на партсобрании в колхозе, в Вешках встретился с делегацией девушек-дагестанок, поздравил с юбилеем издательство "Художественная литература", призвал молодежь страны взять шефство над военными памятниками и могилами...

30 июля послал из Вешек письмо Брежневу: "Недавно в Москве был вице-президент Нобелевского комитета. В разговоре в Союзе писателей он дал понять, что в этом году Нобелевский комитет, очевидно, будет обсуждать мою кандидатуру".

После отказа Жан-Поля Сартра (в прошлом году) получить Нобелевскую премию со ссылкой на то, что Нобелевский комитет необъективен в оценках и что он, этот комитет, в частности, давно должен был присудить Нобелевскую премию Шолохову, приезд вице-президента нельзя расценивать иначе как разведку.

На всякий случай, мне хотелось бы знать, как Президиум ЦК КПСС отнесется к тому, если эта премия будет (вопреки классовым убеждениям шведского комитета) присуждена мне, и что мой ЦК мне посоветует?

Премии обычно присуждаются в октябре, но уже до этого мне хотелось бы быть в курсе вашего отношения к затронутому вопросу".

Брежнев запросил мнение Отдела культуры. Заведующий не промедлил: "Отдел культуры ЦК КПСС считает, что присуждение Нобелевской премии в области литературы тов. Шолохову М.А. было бы справедливым признанием со стороны Нобелевского комитета мирового значения творчества выдающегося советского писателя. В связи с этим

Отдел не видит оснований отказываться от премии, если она будет присуждена".

Стокгольм... Оттуда весть – есть новый нобелевец!

Виновника торжества нашли среди казахских плавней, на гусиной охоте. Приятную весть он воспринял спокойно и даже пошутил: сегодня на редкость удачно поохотился, одним выстрелом удалось снять сразу двух птиц, а тут еще и премия...

Фотография – Шолохов в день получения премии – во фраке: по полной форме – белая манишка, белый галстук-бабочка. Сфотографирован в профиль: изящное лицо (нечто монаршее в высоком лбу и горбинке носа) и белая кисть руки с сигаретой на черном фоне фрака.

Строптив Лауреат. Там, где может, не идет ни на какие поклоны.

Поездка в Швецию. Нужны деньги. Союз писателей запрашивает их в ЦК. Ответ: "Выделение дополнительных средств СП СССР не требуется, т.к. проезд оплачивается т. Шолоховым".

Оказался нужен фрак. Узнали об этом за сутки до отъезда: "... В связи с тем, что по существующему ритуалу тов. Шолохов при вручении премии должен быть одет в специальный фрак, а в наших условиях пошить установленный фрак в оставшиеся сроки не представляется возможным, тов. Шолохов просит выделить ему на приобретение в г. Хельсинки фрака и экипировки сопровождающих его лиц 3 тыс. американских долларов с последующим возвратом из Нобелевской премии..."

Сколько новизны и необычности для нового нобелевца. Машина посла СССР с флажком... посол сопровождает писателя и всю его семью... ратуша, где будут вручать премию... чопорная аристократия... даже творцы выглядят иначе в этих фраках и манишках...

Перед началом церемонии Шолохов узнает о строгом церемониале: поклон Лауреата Королю Швеции. Это тщательно обусловленный канон.

Корреспондент американского агентства написал: "Казаки не кланяются, они никогда не делали этого и перед царями..." Его поразила особенность в поклоне писателя. То, что Лауреат совершил протокольно обусловленное почтительное движение головой, но необычно – не пригнув ее, а вздернув; движение случилось, но в другую сторону.

На вопрос – так ли было, Шолохов ответил с лукавой усмешкой:

– Мне протокол ни к чему было нарушать. Я ничего такого не замышлял. У меня просто, наверное, другого выхода не было. Король в росте на голову меня превосходил. Ему кланяться можно... А мне как? Мне несподручно. Мне вместо поклона пришлось голову поднимать...

В тот год западная печать, словно забыв о лауреатах по другим разделам только и писала: "Шолохов в центре внимания!"... "Нобелевская премия запоздала, по крайней мере, лет на двадцать, когда к славе писателя уже нечего прибавить"... "Давно заслуженная Шолоховым награда повышает авторитет самой Нобелевской премии"...

Читая подобные отклики западной прессы некоторые усмехались про себя: как мы их провели! Подсунули капиталистам троянского коня: ведь "Тихий Дон" о победе Октября, о торжестве "большевистской линии" в

гражданской войне!.. Так было принято трактовать шолоховский роман в официальном литературоведении, и мысли не возникало, что эту книгу можно воспринимать как-то иначе.

Казалось бы, тех, кто полагал, будто "Тихий Дон" послужил своеобразному "экспорту революции" на Запад, Нобелевская премия должна была как раз насторожить и образумить: почему именно Шолохов? Ведь всякому видно: среди множества достойных имен всегда выбирались имена особо страждущих, непокорных, достойных всяческой поддержки со стороны. Не потому ли Шолохов и очутился в одной компании с Буниным, Пастернаком, Солженицыным и Бродским, что в Стокгольме при обсуждении кандидатуры Шолохова хорошо помнили то, что мы всячески старались забыть, усиленно внедряя официальную интерпретацию "Тихого Дона". О том, как с самой первой журнальной публикации стали устраивать на него свои критические облавы рапповцы – ревностные проводники партийной линии в литературе, как наклеили на него ярлыки "кулацкий" и "белогвардейщина", на три года задержав публикацию романа, прерванную на полуслове, как А.М. Горькому пришлось просить за вешенского романиста у самого Сталина.

На стокгольмских торжествах в речи секретаря Шведской академии по литературе доктора Гирова нет ни слова о торжестве Октября, зато она передает живое впечатление от романа, характерное для всякого непредубежденного сознания: "Ваше грандиозное повествование о старом режиме, отчаянно отстаивавшем свои пошатнувшиеся позиции, и о новом режиме, так же отчаянно сражающемся за каждую пропитанную кровью пядь земли, все время ставит вопрос: что правит миром? Оно дает и ответ: сердце. Сердце человека, с его любовью и жестокостью, горем, надеждами, отчаянием, унижением и гордостью. Сердце человека, являющееся истинным полем битвы, всех побед и поражений, которые выпадают на долю нашего мира. Таким образом, ваше искусство перешагивает все рубежи, и мы принимаем его с глубокой благодарностью".

Этот роман часто называют эпопеей, ставя его вровень с "Илиадой" или "Песнью о Нибелунгах". Конечно, с поправкой на современность: имеется в виду не столько панорама героических событий, сколько серьезность их философского осмысления, выразительность исторических картин. Однако любые определения, сколь бы длинен ни был их ряд, все равно не способны до конца объяснить природу гениального художественного произведения, его права называться эпопеей.

Эпичность "Тихого Дона" – прежде всего, в той невообразимой широте, с какой изображена здесь естественная, вечная, священная во все времена человеческая жизнь. Труд и заботы людей, любовь и смерть, быт и бытие с его неожиданностями и обычностью.

Каждой строкой в этой книге выстрадан призыв: помните о человеке! Всегда, что бы ни происходило вокруг, помните о человеке, не о человеке вообще, а об этом, конкретном, с его единственной жизнью, с душой, заключающей в себе целый мир и таящей ответы на самые трудные вопросы бытия... В романе гуманизм реальный, словно отряхнувший с себя путы бесчисленных "за" и "против". Гуманизм, испытывающий искреннее горе

при виде человеческих утрат, несовершенства нашей жизни, отступничества и предательства... С великой силой и страстью крикнул это Шолохов в мир, и мир с необычайным пониманием откликнулся ему.

Помочь своему народу отстоять "право строить себе будущее по собственному выбору" – такова главная мысль нобелевской речи, произнесенной Михаилом Александровичем Шолоховым в Стокгольме.

Согласно ритуалу получивший Нобелевскую премию должен произнести свою "тронную" речь, слово победителя, изложить свое художественное кредо, свой взгляд на мир. Это как исповедь, как признание в самом заветном. Какой кладезь мудрости, какие умы – Анатоль Франс, Бернад Шоу, Томас Манн, Уильям Фолкнер, Эрнест Хемингуэй, Альбер Камю! Собрание всего передового, прогрессивного, всего достигнутого искусством. Хотя в какой-то мере, наверное, и отражение заблуждений, недомыслия, от чего не застрахованы даже гении. Вероятно, сегодня кое-что в этих речах выглядит анахронизмом, свидетельствует скорее всего о субъективизме оратора. В той же нобелевской речи Шолохова кому-то покажутся весьма старомодными его восторги в адрес соцреализма или выпады в адрес авангардистского искусства. Что и говорить, романы удавались Шолохову куда лучше, чем речи. Несомненно, есть в творческом наследии писателя свои спорные моменты.

Но "Тихий Дон" – ценность абсолютная, неопровержимая и неколебимая. Ценность на все времена. Именно к нему целиком и полностью можно отнести слова, прозвучавшие в нобелевской речи Шолохова: "Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробудить любовь к человеку..."